

А. И. ФАРЕСОВЪ.

ТЕРТІЙ ИВАНОВИЧЪ ФИЛИППОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ВЪТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1900

Доводено цензурою 10-го февраля 1900 г. С.-Петербургъ.

I.

НѢ приходится начинать статью о скончавшемся 29-го ноября 1899 г. государственномъ контролерѣ Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ нѣсколькими словами о томъ, какъ много лѣтъ тому назадъ я поступилъ къ нему на службу въ контроль. Протекціи у меня никогда не было, и я доставалъ то или другое служебное занятіе совершенно случайно, постоянно, однако, наталкиваясь на общее мнѣніе о томъ, что литераторовъ

вообще или неохотно принимаютъ на службу, или держатъ ихъ тамъ въ черномъ тѣлѣ.

Правда, первоначально на моей службѣ во временномъ управленіи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ я очень быстро получалъ повышенія, несмотря на то, что одновременно работалъ и въ газетахъ, и въ журналахъ. Но мой личный опытъ не долженъ измѣнять вопроса о литераторахъ на службѣ.

Покойный Н. В. Шелгуновъ какъ-то разъ говорилъ мнѣ, что ему на службѣ однажды предложили увеличить жалованье, если онъ броситъ литературныя занятія, а Н. С. Лѣскову, какъ извѣстно, было приказано подать прошеніе объ увольненіи со службы или измѣнить характеръ своей литературной дѣятельности. Лѣсковъ не согласился ни на то, ни на другое, и былъ уволенъ «безъ прошенія».

— Зачѣмъ вы этого хотите? — спросилъ его покойный И. Д. Деляновъ.

— Нужно! для біографіи... моей и нашей,—отвѣтилъ онъ.

Слономъ, я зналъ, что противъ литераторовъ существуетъ множество предубѣжденій въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ.

Но о государственномъ контролѣ, находившемся въ вѣдѣніи Тертія Ивановича Филиппова, ходили слухи иного рода. Писательское званіе тамъ уважалось и не существовало боязни нравственной независимости литературныхъ людей. Литераторы ищутъ опоры личной своей жизни въ общественныхъ идеалахъ и потому переносятъ легко и съ достоинствомъ служебную дисциплину и служебныя неудачи... «У науки прагмъ неробкѣи», говоритъ поэтъ. Въ этомъ и заключается отличіе литераторовъ отъ чиновниковъ. Серьезныя литературныя занятія своихъ подчиненныхъ Т. И. Филипповъ въ особомъ циркулярѣ (отъ 19-го сентября 1899 г.) привѣтствовалъ, «какъ признакъ высокаго и благороднаго настроенія души».

Самъ я зналъ о Т. И. Филипповѣ только одно, что его влекло къ русской литературѣ, и что онъ не страдалъ болезнью литераторовъ на службѣ. Это невольнo выдѣлило его въ моихъ глазахъ, особенно когда я вспоминалъ, какъ мало уважается въ бюрократическихкихъ сферахъ литература. Много лѣтъ назадъ, въ газетахъ появилось ошибочное указаніе по вопросу объ открытіи С.-Петербургскаго Технологическаго института и князь Ливенъ предложилъ графу Канкрину сдѣлать отъ себя газетное опроверженіе. Постѣдній гордо отгѣчалъ ему: «чтобы министры у насъ занимались печатаніемъ въ газетахъ опроверженій и себя защищали передъ публикой противъ тѣхъ сланій авторовъ, сего у насъ еще не введено и едва-ли введено быть можетъ. Я долженъ просить справедливости у вашей свѣтлости не потому, чтобы я имѣлъ малѣйшее вниманіе къ самохвальнымъ статьямъ, а для избѣжанія вообще столь вреднаго примѣра». Т. И. Филипповъ не избѣгалъ «столь вреднаго примѣра» и, я зналъ, что многіе его ближайшіе товарищи по службѣ также относились къ литературнымъ занятіямъ съ уваженіемъ. Въ контролѣ было всегда достаточное число писателей, начиная съ товарища государственнаго контролера, В. П. Череванскаго (автора: «Подъ боевымъ огнемъ», «Двѣ волны» и цѣлаго ряда драмъ); генераль-контролера департамента военной и морской отчетности А. В. Васильева (сотрудника многихъ журналовъ и автора отдѣльныхъ изданій: «Преобразование высшаго церковнаго управленія Петромъ I», «Объ узаконеніи и усиліи дѣтей», «Критика проекта уголовного уложенія», «Задачи и стремленія славянофильства», «О порядкѣ ликвидаціи дѣлъ несостоятельныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ», и, наконецъ, перевода Поля Жюль: «Исторія государственной науки въ связи съ нравственностью»), чиновника особыхъ порученій Н. П. Аксакова (сотрудника въ газетахъ и автора отдѣльныхъ изданій, преимущественно по философіи и богословію), извѣстнаго публициста О. И. Каблицы-Юзова («Основы народничества»), критика А. И. Зведенскаго, сотрудниковъ газетъ: В. Розанова, Граматчикова, Стулли, М. Петрова и т. д.

Разговорившись случайно на улицѣ съ писателемъ М—мъ о государственномъ контролѣ и ободренный его совѣтомъ идти туда за работой, я пошелъ къ зданію у Синяго моста, но узналъ, что Т. И. Филипповъ принимаетъ просителей въ другіе дни, а теперь вѣсто него можно обратиться къ товарищу государственнаго контролера. Такимъ образомъ я былъ принятъ В. П. Черванскимъ. Последній былъ нѣсколько удивленъ, что я обращаюсь безъ всякой рекомендаціи за работой.

— Я могу достать рекомендаціи отъ самыхъ уважаемыхъ лицъ въ Петербургѣ, если нужно... Я не сдѣлаю этого вслѣдствіе без-

Тертіій Ивановичъ Филипповъ.

полезности великихъ письменныхъ рекомендацій, а вспомнилъ о контролѣ совершенно случайно при разговорѣ съ М—мъ, который служилъ здѣсь.

— А-а, какъ же! Какъ же! Цѣлый годъ числился и ни разу не былъ на службѣ,—перебилъ г. Черванскій.

— Ну, потѣ, видите, какая у меня отличная рекомендація!—разсѣялся я и прибавилъ:—не всѣ литераторы, однако, такъ служатъ... Мнѣ извѣстны въ контролѣ множество литераторовъ и первый изъ нихъ Т. И. Филипповъ и вы сами...

— Дайте вашъ адресъ,—произнесъ онъ и записалъ его у себя на листѣ бумаги.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ приглашеніе явиться въ контроль и быть опредѣленъ В. П. Череванскимъ на службу. Здѣсь я неоднократно видѣлъ и Т. И. Филиппова, но свидѣнія мои о немъ дополнены изъ книгъ и устныхъ сообщеній близкихъ къ нему людей.

Онъ родился въ г. Ржевѣ 24 декабря 1825 г.; воспитывался въ Тверской гимназій и окончилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, обнаруживъ впоследствии большой интересъ къ богословскимъ наукамъ, каноническому праву, къ нуждамъ старообрядцевъ и православныхъ церквей на Востокахъ, къ народному образованію и т. д. Первое время Т. И. Филипповъ былъ учителемъ русской словесности въ одной изъ московскихъ гимназій, но въ 1856 году былъ командированъ на Донъ и Азовское море для изслѣдованія нравовъ мѣстнаго населенія, а затѣмъ былъ приглашенъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, графомъ Д. А. Толстымъ, къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій. Въ 1864 г. онъ порешель на службу въ контроль и достигъ въ немъ званія государственнаго контролера.

Несмотря на то, что жизнь Т. И. Филиппова прошла такимъ образомъ болѣе на государственной службѣ, онъ всего менѣе напоминаетъ собою чиновника, и ни для кого не было секретомъ, что своего прямого призыванія Т. И. Филипповъ не находилъ на своемъ служебномъ посту.

Но по контролю приходится судить о немъ... Живая дѣйствительность увлекала его изъ стѣнъ департамента въ разныя общества, въ журналистику и къ частнымъ кружкамъ, среди которыхъ міросозерцаніе Т. И. было бы весьма значительнымъ, если бы судьба дала ему въ руки болѣе сильныя средства вліять на жизнь, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ. Онъ былъ болѣе литераторъ, чѣмъ практическій дѣятель... Но для оцѣнки его литературной роли слѣдуетъ вспомнить, что онъ жилъ въ эпоху борьбы славянофильства съ западничествомъ, и въ одиннадцатой части сочиненія Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», справедливо сказано, что «изъ всѣхъ членовъ «Молодого Москвитянина» Третій Ивановичъ Филипповъ, по своему міросозерцанію, всѣхъ ближе подходитъ къ воззрѣніямъ «Старого Москвитянина», т. е. къ воззрѣніямъ Погодина и Швырева». Дѣйствительно, и въ «Москвитянинѣ», и «Русской Бесѣдѣ», онъ не только чуждался раціоналистическаго Запада, но усиленно ратовалъ о возвращеніи Россіи, такъ сказать, «ко днямъ Котошихнина». Совѣсть его особенно была обезпокоена въ то время вліяніемъ Вѣлинскаго и Герцена на русское общество. Онъ находилъ церковный строй допетровской Руси, съ патріаршествомъ и соборами, наиболѣе соотвѣтствующимъ національнымъ особенностямъ русскаго народа. Интересно, что

Т. И. Филипповъ вліялъ на молодыхъ славянофиловъ не столько журнальными статьями, сколько старинными русскими пѣснями, удивительнымъ исполненіемъ которыхъ онъ открывалъ идеалы русскаго народа и привлекалъ къ нимъ симпатіи всего кружка «Молодого Москвитянина». Пѣсенное богатство плѣнило слушателей народностью и религіозностью допетровской Руси, заставляя думать, что эти основы должны лечь въ основу государственности и заложить «борьбу съ Западомъ» противъ его научнаго рачіонализма и демократизма учреждений. Пѣсни, по свидѣтельству Погодина, была главною силою, постепенно слагавшею, вырабатывавшею и выяснявшею основное міровоззрѣніе кружка. Открывая и бытовые особенности, и историческій складъ, и вѣковѣчные идеалы русскаго народа, та же пѣсня побудила членовъ кружка основательнѣе взглянуть въ значеніе Петровской реформы. Для западниковъ до Петра не существовало исторической Руси, но не о томъ свидѣтельствовала народная пѣсня. Допетровская Русь, еще живущая въ этой пѣснѣ, требовала критическаго отношенія къ противоположному ей строю, созданному всѣмъ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, оторвавшимъ отъ народа правящіе и вообще образованные классы.

Памятуя, что Снегиревъ нигдѣ въ журналахъ не могъ напечатать статью о народныхъ картинахъ, въ виду народнаго значенія этихъ картинъ, и что общее мнѣніе о народной поэзіи не поднимается выше стиховъ:

«Танцовала рыба съ ракомъ,
«А петрушка съ пастернакомъ»,

Т. И. Филипповъ энергично боролся за художественное и общественное значеніе народныхъ преданій и пѣсенъ.

«Съ напѣвами русскихъ пѣсенъ дѣлали до сихъ поръ тоже, что и съ текстомъ ихъ, говоритъ онъ. Не могли, разумѣется, не признать въ нихъ значительнаго музыкальнаго достоинства; но, исходя изъ точки зрѣнія западно-европейской музыки, отыскивали въ нашихъ напѣвахъ такія черты, которыя могли бы имъ доставить честь сравненія съ музыкальными произведеніями запада. Читатель знаетъ, что эта судьба постигала до сихъ поръ все, въ чемъ выражается наша народная особенность: таковъ былъ ходъ нашего образованія... Русская пѣсня поестъ исключительно простолюдинимъ, съ которыми намъ негдѣ встрѣтиться; если на улицѣ услышишь что нибудь такъ мелькомъ, ничего не упомнишь... Для того, чтобы лицомъ къ лицу познакомиться съ народной поэзіей и музыкою, нужно, хотя на время, забыть разницу между, по выраженію «Отечественныхъ Записокъ», развитымъ и непосредственнымъ человекомъ, и выйти въ ту сферу общества, гдѣ сохрани-

ниются еще остатки и слѣды нашей первобытной жизни. И то, что мысленно онъ изъ своихъ изслѣдованій, сторицею вознаградитъ его за трудъ и рѣшимость: можетъ даже случиться, что изъ такого рода изслѣдованій онъ выйдетъ не съ тѣми понятіями о предметахъ, съ какими онъ отправился въ эту экспедицію, и пойметъ онъ, что въ нашей народной поэзіи и музыкѣ есть такіа сокровища, которыя не должно оскорблять иностранной оцѣнкой, и должно раскрывать посредствомъ добросовѣстнаго изученія и такимъ образомъ дѣлать ихъ достояніемъ общественнаго сознанія. Тогда онъ пойметъ, что въ народной пѣснѣ каждое слово, а въ народномъ напѣвѣ каждая нотка неприкосновенны; тогда онъ откажется отъ негодной мысли исправлять произведенія, надъ которыми трудились вѣка, и соберетъ все средства своего образованія и личнаго таланта на смиренное служеніе этому дѣлу».

Значеніе Филиппова для всего «Молодого Москвитинина», свидѣтельствуетъ Погодинъ, «не исчерпывалось тѣмъ, что онъ былъ для нихъ, какъ и для многихъ, представителемъ пѣсеннаго богатства и пѣсенныхъ даровъ русскаго народа; что пѣсенотѣніями онъ увлекалъ слушателей въ полузабытый или совершенно даже невѣдомый міръ, пробуждалъ новыя или, но крайней мѣрѣ долго дремавшія чувства. Островскій, при первомъ уже знакомствѣ, приобрулъ въ Филипповѣ слушателя, отъ котораго не могъ ускользнуть ни одинъ едва замѣтный, а для иныхъ, можетъ быть, и вовсе незамѣтный отгѣнокъ своеобразнаго, живаго русскаго языка. Благодаря этой-то именно особенности, Островскій и подблизилъ Филиппова къ художественному творчеству вообще и въ частности къ соавѣстному творчеству съ нимъ. Филипповъ обладалъ еще знаніемъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, въ чемъ былъ достойнымъ товарищемъ А. Н. Островскаго, зналъ громадное количество пословицъ, приговоровъ, разсказовъ изъ народнаго и вообще русскаго быта, а притомъ обладалъ еще и изысканнымъ вкусомъ, и даромъ художественной критики, которые и проявилъ скоро въ статьяхъ своихъ. Пламенная любовь къ богатству формъ и рѣчи русскаго языка, подкрѣпляемая еще и филологическимъ образованіемъ и филологическими трудами, постоянно останавливала его вниманіе, то на художественныхъ оборотахъ народной рѣчи, еще чуждыхъ или оставшихся чуждыми для литературнаго языка, то на не менѣе художественныхъ жемчужинахъ древней письменности русской. Все это дѣлало его неоцѣнимымъ по своему вліянію членомъ кружка, расширяющихъ кругозоръ его и укрупняющихъ его силы. Господствующее тогда въ значительнѣйшей части молодой интеллигенціи отсутствіе религіозныхъ началъ, разрывъ съ религіознымъ прошлымъ, составлявшіе своего рода гордость западнаго мірка, распространили власть свою и на членовъ общества

нашего кружка. Но въ Филипповѣ прежде другихъ сверстниковъ и со товарищей совершился переворотъ, сдѣлавшій его вполнѣ невѣрующимъ и по вѣрѣ стоящимъ въ общеніи съ незатронутыми переломомъ слоями русскаго народа и со всѣмъ историческимъ его прошлымъ. Вліянію этого переворота непосредъ послѣдовали и нѣкоторые члены молодого кружка, какъ, напримѣръ, Зедергольмъ и Алмазовъ, для которыхъ обращеніе и религіозность Филиппова являлись только своего рода первымъ толчкомъ; другіе оставались невѣрующими до самаго конца жизни. Но отъ прежней кичливости невѣріемъ въ кружкѣ не оставалось больше и слѣдствъ; его смѣнилось мягкое отношеніе къ народной свѣтлѣ и народнымъ вѣрованіямъ. Къ религіи, къ православію, къ церкви стали относиться безъ вражды и не безъ уваженія даже и тѣ изъ членовъ кружка, которые сами не чувствовали ихъ вліянія.

Извѣстно, свидѣтельствуется тотъ же Погодинъ, что въ первое время знакомства съ Филипповымъ Островскій считался крайнимъ западникомъ. Въ разговорахъ онъ постоянно ссылался на авторитетъ «Отечественныхъ Записокъ» и даже цитировалъ статьи Галахова. Это такъ сердило Филиппова, что у него часто вырывались слова: «можно ли съ такимъ черепомъ ссылаться на Галахова? Вѣдь это ужъ слишкомъ обидно».

Увлекался ученіями Запада, Островскій завѣрялъ, что ему противъ видѣ самаго Кремля съ соборами. Онъ изумилъ однажды Филиппова, сказавъ: «Для чего здѣсь построены эти нагоды?» Увлеченію отрицательнымъ отношеніемъ къ русскому народу простиралось до того, что однажды на вечерѣ у М. С. Щепкина одинъ изъ западниковъ пропонѣдывалъ, что народная Русь состоитъ исключительно только изъ отрицательныхъ типовъ Островскаго; что людей иного закала въ ней нѣтъ и не можетъ быть: все мошенники. «Ну, прощайте же, мошенники»,—сказалъ, прощаясь послѣ долгихъ споровъ, актеръ Провъ Михайловичъ Садовскій.

Со времени знакомства къ Филипповымъ, это острое отношеніе къ народной жизни мало-помалу смягчалось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего жившая въ устахъ Филиппова народная пѣсня, въ которой русскій народный характеръ и особенности души русскоі раскрывались въ привлекательномъ, чарующемъ видѣ.

Бывали минуты, когда Островскій, увлеченный старинными народными пѣснями Филиппова, восклицалъ:

— Съ Тертіемъ да Провомъ (Садовскимъ) мы все Петроно дѣло повернемъ назадъ!

Такимъ образомъ въ «Молодомъ Москвитинѣ» тріумвиратъ славянофильства состоялъ изъ выдающагося пѣвца патріотическостаринныхъ пѣсенъ, выдающагося писателя и замѣчательнаго ак-

тера. Филипповъ имѣлъ вліяніе не только на Островскаго, но и Апполонъ Григорьевъ былъ введенъ имъ въ редакцію «Молодого Москвитинина», по свидѣтельству Погодина, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: «Однажды, у Островскаго былъ громадный литературный вечеръ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій того времени. Когда большая часть гостей разошлась, и остались только близкіе Островскому люди, Филиппова просили сѣсть. Послѣ одушевленно пропѣтой имъ пѣсни, которая на всѣхъ произвела впечатлѣніе, Григорьевъ упалъ на колѣни и просилъ кружокъ усвоить его себѣ, такъ какъ въ его направленіи онъ видитъ правду, которой искалъ въ другихъ мѣстахъ и не находилъ, а потому былъ бы счастливъ, если бы ему позволили здѣсь бросить якорь».

Любовь Филиппова къ народной пѣснѣ воодушевила и А. О. Писемскаго, который въ романѣ: «Взбаломученное море», описалъ, какъ «Тертіевъ» въ трактирѣ «Британія», позиціонными ридомъ съ университетомъ, ибѣлъ «Ваньку Ключника», и какъ всѣ присутствующіе, отъ студентовъ до половыхъ, превращались въ олицетворенное блаженство при первыхъ напѣвахъ русскаго народничества. Читая «Жизнь и труды М. Погодина», приходишь къ несомнѣнному выводу, что старинное пѣсенное творчество русскаго народа явилось у Т. Филиппова орудіемъ пропаганды въ духѣ Шевырева и Погодина.

«На вечерахъ, гдѣ читались пѣсмы Островскаго, ярко выказывалось русское направленіе, какъ его самого, такъ и другихъ членовъ кружка. Народная пѣсня, художественно исполняемая Филипповымъ, неоднократно раздвигалась въ такихъ залахъ, въ которыхъ и пѣніе ея вообще, да еще въ особенностяхъ человѣкомъ образованнаго общества, представлялось явленіемъ необычайнымъ. И хозяева, и гости всякій разъ восхищались и словами пѣсни, и напѣвомъ; на всѣхъ производили они сильно потрясающее впечатлѣніе. Пораженная строгою простотою пѣнія Филиппова, Е. С. Шереметева разъ спросила у своего двоюроднаго брата Алмазова: «Скажи, пожалуйста, Борисъ, что Филипповъ благородный?»—«Даже великодушный», отвѣчалъ и тогда уже отличавшійся остроуміемъ Алмазовъ». Т. П. Филипповъ принималъ дѣятельное участіе въ императорскомъ географическомъ обществѣ по собранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ, и по его почину возникла въ 1884 году особая пѣсенная коммиссія, председателемъ которой Т. П. былъ до конца своей жизни. По его ходатайству были дарованы пѣсенной коммиссіи средства для снаряженія экспедицій съ цѣлью собранія русскихъ пѣсенъ съ напѣвами. Съ этой же цѣлью Т. П. пріютилъ у себя въ Петербургѣ извѣстную «сказительницу» Олонецкой губерціи, поощрялъ балалаечниковъ и русскіе хоры, надѣясь этими хорами въ войскахъ сохранить старину отъ вымиранія.

II.

Убѣжденіе Т. И. Филиппова въ необходимости создать намъ само-бытнiую іерикальнo-славянскую исторію высказывалось имъ во множествѣ его журнальныхъ статей: «О народныхъ училищахъ», «О преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ», «О началахъ русскаго воспитанія» и во всевозможныхъ привѣтствіяхъ митрополитамъ, четверопрестольнымъ восточнымъ патріархамъ и т. д. Въ общественномъ мнѣніи сложился на Т. И. Филиппова совершенно опредѣленный взглядъ, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ постоянно циркулировали слухи о его вѣчной кандидатурѣ то въ министры народнаго просвѣщенія, то духовнаго вѣдомства.

Его мысли о народной школѣ вращаются около Кирилла и Меодія. Для религіознаго воспитанія дѣтей, по его мнѣнію, необходимо въ школахъ преподаваніе церковно-славянскаго языка, и онъ усматривалъ въ грамматикѣ Остромирова Евангелія «орудіе, какъ для яснаго разумѣнія того, что проповѣдуетъ церковь, такъ и для наукообразнаго изученія языка русскаго». Въ «Запискѣхъ о народныхъ училищахъ» г. Филипповъ пропагандируетъ исключительно нравственное воспитаніе народа при помощи славянской грамматики и подчиненія учителя священнику. Но при этомъ, Т. Филипповъ не придаетъ большого значенія «религіознымъ упражненіямъ» и забываетъ, что пѣра безъ дѣлъ мертва и что добрыя чувства развиваются поступками въ практической жизни, а не лекціями о добродѣтеляхъ человѣка, также какъ изученіе анатоміи, безъ мускульныхъ упражненій, не даетъ человѣку никакой силы. Филипповъ приводитъ въ помощь себѣ іерикализмъ европейскихъ школъ, игнорируя тѣ протестантскія страны и колоніи Америки, гдѣ библія воспитывала народы преимущественно въ ихъ семьяхъ. Народному учителю не приходилось тамъ сталкиваться съ священникомъ изъ-за того, напримѣръ, чтобы послѣднему въ годъ сдѣлать столько то посѣщеній школы и чтобы онъ не принуждалъ учителя къ показанію числа уроковъ сверхъ того, которое было въ дѣйствительности. Изъ за этихъ пропусковъ «батюшкихъ уроковъ» въ русской народной школѣ возникаютъ перѣдко цѣлыя драмы: учитель принисываетъ священнику манкированіе уроками, а священникъ грозитъ жаловаться на то, что учитель плохо содержитъ дѣтей въ интернатѣ, потому что завелъ у себя множество гусей и свиней на счетъ дѣтскаго приварка и кусковъ чернаго хлѣба и т. д. Этотъ примѣръ, разумѣется, доказываетъ необходимость безпристрастной стороны въ жизни учите-

лей и законоучителей народной школы. Земскія управы инстинктивно отячляют этому назначенію, при полной равноправности свѣтскихъ преподавателей и священниковъ. Между тѣмъ Т. Филипповъ, не находя въ школьномъ вопросѣ лучшаго авторитета, чѣмъ Гизо, настаиваетъ на клерикальномъ характерѣ школы, считая свѣтскую школу «разсадникомъ змѣннаго сѣмени по всей землѣ». Нужно ли говорить, въ какой мѣрѣ этотъ приговоръ неоснователенъ, если вспомнить Ланкастера, умѣвшаго создать себѣ помощниковъ изъ народа же (система взаимнаго обученія) и въ голодные годы Англіи пріютить дѣтей въ школу и прокормить ихъ, агитируя ихъ именемъ въ странѣ о помощи? Нужно ли доказывать, что Песталоцци воспитывалъ дѣтей въ свѣтской школѣ совершенно по евангельски, когда указывъ на плѣнныхъ враговъ Швейцаріи, лежавшихъ ранеными въ госпиталяхъ, посоветывалъ дѣтямъ отказаться отъ завтраковъ въ пользу плѣнныхъ и идти къ нимъ съ любовью и помощью? А развѣ игры Фребеля съ дѣтьми въ его школѣ тоже самое не содѣйствовали добрымъ ихъ правамъ; а развѣ въ американской школѣ, гдѣ религіозное воспитаніе дѣтей лежитъ въ семьѣ на обязанности ихъ родителей, меньше нравственной атмосферы, чѣмъ въ клерикальныхъ и монастырскихъ школахъ Франціи и мѣстами въ Англіи? А между тѣмъ въ американскихъ школахъ главные предметы чуть ли не коммерческія науки и знаніе основныхъ законовъ конституціи своей страны. Статистика католическихъ кантоновъ Швейцаріи даетъ меньшій процентъ грамотныхъ и большій процентъ преступниковъ, чѣмъ въ протестантскихъ кантонахъ той же страны. Словомъ нравственное воспитаніе людей также присуще свѣтской школѣ, какъ показываютъ блестящіе примѣры исторіи.

Совершенно иначе объ этомъ думалъ Т. Филипповъ, приписывая нравственное вліяніе на дѣтей по преимуществу старо-славянской школѣ и такому же нарѣчію. Онъ пишетъ: «Пронехожденіемъ своимъ церковно-славянскій языкъ обязанъ переводу св. писанія, богослужебныхъ, каноническихъ, святоотеческихъ, вообще всѣхъ церковно употребляемыхъ книгъ съ греческаго подлинника на одно изъ славянскихъ нарѣчій, современныхъ просвѣтителю апостольскому подвигу Великой Константинопольской церкви, изъ нѣдръ коей вышли великіе совершители этого по истинѣ чудотворнаго перевода и христіанскіе первоучители всего славянскаго племени. На которое именно изъ бывшихъ въ то время нарѣчій переведены были Кирилломъ и Меодіемъ священные книги, о томъ существуютъ различныя доселѣ не примиренныя мнѣнія. Естественнѣе всего думать, что переводчики избрали для себя языкъ славянъ македонинъ, среди коихъ они родились и долгое время жили и отъ коихъ они, какъ и всѣ солунскіе жители, безъ различія народностей, усвоили знаніе этого

языка, о чемъ свидѣтельствуемъ извѣстное изрѣченіе панионскаго житія: «Солуняне бо вси чисто словенски бесѣдоваху». Для насъ достаточно имѣть въ виду, что одно изъ славянскихъ нарѣчій IX в. было избрано для передачи всему славянскому роду необъятнаго божественнаго содержанія христіанства; что совершенный святыми солунскими братьями переводъ всѣхъ церковно содержимыхъ книгъ сдѣлался первоначально общимъ достояніемъ всѣхъ жившихъ въ IX и X в. славянскихъ народовъ, языки коихъ въ ту пору были несравненно сроднѣе между собою, чѣмъ въ настоящее время; что кирилловскій первообразъ св. книгъ, постепенно подвоярлся въ каждой славянской странѣ, долженъ былъ неизбежно подвергаться вліянію мѣстныхъ языковъ и принимать въ себя нѣкоторые ихъ черты и отгѣнки, но въ то же время удерживалъ и сохранялъ свой особенный, строгій и возвышенный строй, предопредѣляемый его священнымъ содержаніемъ; что, по превратности историческихъ судебъ, многіе изъ славянскихъ народовъ были отторгнуты населеніемъ Рима отъ просвѣтительной ихъ церкви константинопольской и, либѣтъ съ чистою христіанскаго исповѣданія, утратили и славянское богослуженіе; что это священное наслѣдіе сохранилось до нынѣ во всей своей полнотѣ и художественной красотѣ собственно въ нашемъ отечествѣ, которому предопредѣлено быть хранителемъ православія въ средѣ славянства. Если же Провидѣнію угодно было даровать русскому народу то рѣдкое, неоцѣнимое счастье, чтобы все ученіе, всѣ ея молитвы и сласловія, всѣ ея уставы и правила, однимъ словомъ, все ея божественное содержаніе облеклось въ многоцѣнную и великолѣпную ризу церковнославянскаго слова, то одной этой причины было бы вполне достаточно, чтобы предъ намѣреніемъ исключить, пренодаваніе церковнославянскаго языка изъ программы русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній остановиться съ тягостнымъ недоумѣніемъ».

Вотъ какое возвышенное значеніе придавалъ Т. Филипповъ изученію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ церковно-славянскаго языка. Вотъ почему онъ возмущался, когда ему говорили, что изученіе русской грамматики много выиграло бы, если бы въ ихъ программу, вмѣсто церковнославянскаго языка, былъ введенъ языкъ нашихъ лѣтописей и вообще древнорусскихъ памятниковъ, а также языкъ въ тѣсномъ смыслѣ народный, живущій въ произведеніяхъ народной поэзіи и обращающійся въ устахъ народа. Языкъ же церковнославянскій, какъ языкъ искусственный, коего синтаксисъ построенъ по образцу языка чуждаго (греческаго), многія формы коего въ русскомъ языкѣ совершенно утратились, а нѣкоторыя никогда въ немъ и не существовали, могъ быть вовсе исключенъ изъ программы безъ всякаго ущерба.

Конечно, совершенное исключеніе церковнославянскаго языка изъ

предметовъ гимназическаго образованія едва-ли возможно «безъ ущерба», но и преподаваніе его по программѣ г. Филиппова сдѣлало бы его еще болѣе тягостнымъ, чѣмъ современная латынь въ гимназіяхъ. Между тѣмъ вся система народнаго образованія у Тертія Иванонича дышитъ такимъ классицизмомъ нарѣчій IX и X вѣка, что невольно спрашиваешь себя: да въ какой же мѣрѣ этой системѣ отвѣчаютъ живыя потребности нашей жизни и не лучше-ли, что бы всѣ эти «нарѣчія» IX—X вв. были достоинствомъ ученыхъ кабинетовъ, а не общедоступныхъ школъ для юношества? Между тѣмъ, въ рѣчи «Оначалахъ русскаго воспитанія» Филипповъ рекомендуетъ для школъ, преимущественно передъ другими предметами, изученіе отечественнаго языка, отечественной словесности и отечественной исторіи именно съ такимъ условіемъ, чтобы изученіе отечественнаго языка начинать съ церковно-славянскаго, въ видахъ противодѣйствія атеизму, чтобы «знакомство съ нимъ открывало воспитанику весь смыслъ св. писанія и богослуженія», и, будучи «представителемъ языковъ и нарѣчійъ всего славянскаго племени», онъ помогать бы изучити всѣ славянскіе языки и способствовать бы единенію славянскаго міра. Послѣ церковно-славянскаго языка, необходимо изученіе древне-русскаго языка (проповѣди Іларіона, лѣтописи Нестора, слово о полку Игоревѣ, вирши Симеона Полоцкаго и т. д.), какъ «залогъ патріотическихъ убѣжденій»; отечественная словесность въ живыхъ примѣрахъ не должна походить на хаотическую грудку выщипанныхъ общихъ мыслей, а знакомить съ духовной жизнью русскаго народа, и, наконецъ, отечественная исторія въ ея древнѣмъ періодѣ покажетъ ростъ и величіе коренныхъ началъ русскаго народа. Основы ея проявятся и въ церковныхъ вѣтвяхъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства (Іларіонъ, Кириллъ и Серапіонъ), и въ Несторѣ, Ігуменѣ Даниилѣ, Мономахѣ и св. отцахъ—Іосифѣ Волоцкомъ, Геннадіи, Максимѣ Грекѣ, Димитріи Ростовскомъ и въ иныхъ, «которые сохранили святую православную церковь нашу отъ всѣхъ опасностей, грозившихъ ей со стороны стригильниковъ, раскольниковъ и другихъ враговъ ея».

Этотъ идеалъ народнаго образованія, съ церковно-славянскимъ языкомъ и патріотизмомъ донетровскихъ книгъ, несетъ бы сильную ломку въ нашу начальную и среднюю школу. Т. И. Филипповъ съ этой точки зрѣнія высоко цѣнитъ и профессоровъ университетовъ, какъ напр., некогда С. П. Шенюрева, пригласивъ его до—Петровскія позрѣнія, какъ противоявіе ученію западниковъ. А между тѣмъ, этотъ Шенюревъ, несмотря на свою ученость, особенно боролся, по выраженію Н. Г. Чернышевскаго, «противъ людей, думавшихъ, что по русски надо было писать на рускомъ, а не на славянскомъ языкѣ». Сошлутъ нашимъ поэтамъ поэтическія употребленія хлѣбниці иже, иже, еже и дательнаго самостоя-

тельного надежда, Шенгиревъ предлагалъ писать такимъ образомъ: «волнующемуся морю (то-есть при морскомъ волненіи, отъ морского волненія) корабль, иже входилъ въ гавань, подвергался опасности, и лодка, иже была послана къ нему на встрѣчу, потонувшей (когда лодка, посланная къ нему на встрѣчу, потонула) гибель стала неизбежна. Тѣмъ не менѣе, красоты такого слога сильно плѣнили Т. И. Филиппова. Надо еще сказать, что Т. И. Филипповъ не чуждался живого изученія латинскаго и греческаго языковъ. Онъ самъ довольно свободно говорилъ по-гречески и легко читалъ книги на обоихъ языкахъ. Живой классицизмъ для чтенія книгъ и пониманія ихъ также вмѣщался въ его идеалъ о средней школѣ. Зная хорошо, что, когда Гиббичъ, переводчикъ Иліады, упрекнулъ Крылова незнаніемъ греческаго языка, то послѣдній выучилъ его въ полгода, а наши женщины-медики, при поступленіи на курсы, изучаютъ латинскій языкъ въ полтора года, Т. И. находилъ современное преподаваніе въ гимназіяхъ латинскаго и греческаго языка слишкомъ продолжительнымъ, направленнымъ къ инымъ цѣлямъ, для задержанія преждевременнаго развитія юношества, а не къ тому, чтобы свободно читать классическія произведенія.

По этому поводу Н. П. Аксаковъ, писатель, состоявшій въ послѣдніе годы при Т. И. Филипповѣ чиновникомъ особыхъ порученій, говорилъ мнѣ, что, когда онъ однажды отозвался о покойномъ попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, Новиковѣ, какъ о малообразованномъ человѣкѣ, то Т. И. Филипповъ остановилъ его своимъ замѣчаніемъ:

— Нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень необразованнымъ. Онъ прекрасно знаетъ латинскій языкъ.. Понятно, это было до классицизма!

Разсказывая кому либо о томъ, какъ нѣкоторые его товарищи выучились читать классиковъ въ сравнительно короткіи сроки, Тертіи Ивановичъ всегда пояснялъ это тѣмъ, что «это было до классицизма», и что въ современныхъ гимназіяхъ они зубрили бы много лѣтъ грамматику, отлично знали бы всякія правила и исключенія, конструкцію всякихъ оборотовъ языка, а читать и понимать книги все-таки не умѣли бы. Во взглядахъ Филиппова на образованіе современнаго общества церковно-славянскимъ языкомъ, лѣтотисями и чтеніемъ классиковъ было чрезвычайно много чисто книжныхъ и теоретическихъ надеждъ на улучшеніе нашихъ нравовъ и умѣнье жить похристіански.

Я отлично помню, какъ покойный писатель Николай Семеновичъ Лисковъ по этому поводу неоднократно говорилъ въ кругу близкихъ къ нему людей:

— Лучше едва ли будетъ при Тертін Ивановичѣ, если его поставятъ во главѣ министерства просвѣщенія, но кутерьмъ онъ надѣлаетъ большою... Если теперь его не удовлетворяетъ вліяніе духовенства на народныя массы, то онъ добьется патріаршества и соборной силы церкви... Но только съ нимъ не помирятся ни митрополиты, ни свободные мыслители. Ему и школа нужна, гдѣ отжимающія начала были бы дѣйствующими. За одно можно поручиться, что современное положеніе его не удовлетворило бы, и онъ приступилъ бы непремѣнно къ преобразованію школы. Вотъ нельзя поручиться, чтобы эти преобразованія были полезны и не завели бы насъ въ невылазныя дебри.

III.

О религіозной терпимости Т. И. Филиппова болѣе судить по его заступничеству за старообрядцевъ и призыву къ уравнинію въ правахъ «единовѣрческой» церкви и православной «съ единствомъ въ догматическомъ исповѣданіи, допуская при этомъ широкую свободу въ содержаніи обрядовъ» (см. «Современные церковные вопросы» и «Три замѣчательные старообрядца»). По его мнѣнію, единовѣрцы, молящіеся двуперстною, сугубящею алялуію, ходящіе посолономъ, предпочитающіе восьмиконечный крестъ четырехконечному, различаются отъ православныхъ «щепотниковъ» только немногими обрядами. Мы не имѣемъ прямыхъ указаній на его философско-христіанское отношеніе къ религіозной совѣсти людей, если бы дѣло касалось не одной свободы обряда. Свою защиту старообрядцевъ онъ совершенно ясно мотивируетъ слѣдующими словами:

«Уже нѣтъ ли въ свойствѣ самыхъ обрядовъ, содержащихся единовѣрцами, чего нибудь такого, что препятствовало бы принять ихъ въ полное и безусловное общеніе съ церковью? Съ увѣренностію можно отвѣчать, что нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что нашими предками они не мѣшали быть нѣкогда иноплѣнными православными, и въ настоящее время наши епископы, служа въ единовѣрческихъ храмахъ, съ свободной и спокойной совѣстію изображаютъ на себѣ знаменіе креста двуперстнымъ сложеніемъ, служатъ по старопечатнымъ книгамъ и т. д. Мало того, очень часто въ единовѣрческіе приходы опредѣляются священники изъ приходоу православныхъ, при чемъ они обрекаются уже на постоянное употребленіе доиконовскаго обряда; а этого, конечно, не могло бы быть, если бы въ особенностяхъ этого обряда была какая нибудь существенная погрѣшность, не позволяющая допустить содержащихъ оныя лицъ до полного равенства съ послѣдователями общеправославнаго обряда».

Такимъ образомъ, примирительныя стремленія Филиппова къ раскольниковымъ касаются исключительно обрядовой стороны. Въ вопросахъ же догматическаго характера онъ призываетъ на борьбу съ иновѣрами соборную силу церкви, прямо указывая на примѣръ западно-европейскаго духовенства и укоряя насъ тѣмъ, что мы «изобрѣли на этотъ случай свою теорію, которая учитъ, что пропаганда вовсе не свойственна духу православной церкви и въ кругъ нашихъ обязанностей вовсе и не входитъ; что съ насъ достаточно хранить, что имѣемъ, и не искать чужого; что тревожная забывчивость латинской церкви объясняется свойственною всякому заблужденію и пороку склонностію умножать число своихъ послѣдователей».

«Уклоняя такимъ образомъ «сердце свое въ словеса лукавствія, чтобы въ нихъ обрѣсти мнимое оправданіе нашей лѣни, нашему равнодушію и нашей неумѣлости, мы не замѣчаемъ того, какъ мы оскорбляемъ честь и достоинство православнаго знамени». Еще болѣе властнымъ духомъ и мірекою силою дышитъ его письмо къ г. Успенскому, директору русскаго археологическаго института въ Константинополѣ: «Несмотря на то, что церковь есть основаніе и кѣмень нашего государственнаго и народнаго бытія, въ нашихъ высшихъ и среднихъ школахъ, въ нашей печати, въ образованныхъ слояхъ нашего общества, понятія о ней такъ сбичивы, латки и произвольны, что при возбужденіи какого либо важнаго церковнаго вопроса постоянно является опасность рѣшенія гибельнаго и неоправимаго. Самымъ горькимъ плодомъ запутанности нашихъ понятій въ области церковной жизни было отпаденіе отъ церкви недавно еще единовѣрнаго намъ болгарскаго народа, которое могло бы быть предотвращено, если бы, вмѣсто того, чтобы поощрять болгарскій мятежъ противъ законной власти константинопольскаго патріарха, мы стали на стражѣ божественныхъ правилъ, установленныхъ всею христіанскою вселенною и ограждающихъ сію священную власть отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило: «и отъ князя, и отъ народа множества». Покры гибельнаго для церкви пожара, объявившаго Балканы, перебросились и въ другія дальнія области православнаго востока, который въ недоумѣніи и ужасѣ ждетъ новыхъ бѣдъ и нашего отъ нихъ заступленія».

Нужно ли говорить, что его пропаганда о союзѣ національныхъ церквей въ общій патріархатъ, одухотворенный политическими цѣлями и напоминающій «князю и народу множества» свою вселенскую власть, привела бы вселенскую теократію не только къ «заступленію» за свои прерогативы и наступленію противъ всякаго отъ нихъ «отпаденія», но также и къ стремленію сдѣлаться «кѣмнемъ нашего государственнаго бытія» и «въ высшихъ школахъ», и «въ печати», и въ «образованныхъ слояхъ нашего общества».

А между тѣмъ, всюду государства уже пережили церковное руководство, и просвѣщеніе народовъ зависитъ болѣе отъ научнаго и политическаго прогресса.

Ни одинъ соціологъ не призналъ бы теперь полезнымъ, рядомъ съ сибирскими государствами, могущество организованной теократіи.

Переходя къ оцѣнкѣ, такъ называемой филантропической дѣятельности Т. И. Филиппова въ разныхъ обществахъ, слѣдуетъ сказать, что большаго значенія она не имѣетъ. Въ «Славянскомъ благотворительномъ обществѣ» пріиѣзженныя рѣчи г. Филиппова пріѣзжимъ митрополитамъ были, конечно, необходимы, но онѣ не имѣли руководящаго значенія въ Славянскомъ движеніи. Ровно незначительными кажутся заслуги Т. Филиппова и въ качествѣ предсѣдателя общества вспоможенія нуждающимся артистамъ, если говорить объ ихъ нуждахъ и помощи серьезно. Не менѣе странно придавать значеніе участію Т. Филиппова въ обществѣ ревнителей чистоты русскаго языка, если это участіе не проявило себя ни крупнымъ художественнымъ произведеніемъ, ни практическими указаніями, принятыми въ семьѣ и школахъ.

Мы даже болѣе въ этомъ случаѣ цѣнимъ Шевырева, который для спасенія русскаго языка, составлялъ въ «Москвитинникѣ» словарь «барбаризмовъ, соленизмовъ и прочихъ пизмовъ». Онъ записывалъ: «Съ нѣкоторыхъ поръ русскій языкъ до того началъ страдать отъ нововведеній, что становится и больно и странно за родное слово великому, кто его любитъ и уважаетъ». Общай, «постоянно выдавать словарь всѣхъ чудовищныхъ выраженій, которыми такъ особенно богата наша періодическая словесность»; онъ думаетъ «произвести въ публикѣ тотъ комическій хохотъ, который будетъ весьма спасителенъ для русскаго слова».

Положимъ, что онъ не выполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего назначенія и самъ прежде всего портить русскую рѣчь; но кто же мѣшалъ Т. И. Филиппову, предсѣдателю общества ревнителей чистоты русской рѣчи, серьезно заняться этимъ дѣломъ и дать живое свидѣтельство, что ему «Пушкинская рѣчь» дороже нарѣчій IX—X вв. А между тѣмъ именно ему-то казалось невозможнымъ усвоить «пушкинскую рѣчь» безъ изученій нашими дѣтьми нарѣчій Кирилла и Меодія.

Не признавая такимъ образомъ за Т. И. Филипповымъ—на службѣ должной энергіи, а въ литературѣ сочувствія къ современнымъ идеямъ о народномъ образованіи и управленіи, мы не можемъ отказать ему въ томъ, что онъ искалъ правды то въ церковно-славянской школѣ, то въ соборной силѣ вселенскихъ іерарховъ, то въ славянскомъ Константинополѣ, то въ филантропическихъ обществахъ, то въ старинныхъ иѣснихъ.....

Поэтическое и тревожное настроеніе Филиппова находило всего болѣе удовлетворенія, конечно, въ литературѣ, несмотря на то, что здѣсь «человѣка берегутъ, какъ на турецкой перестрѣлкѣ». Эту его любовь къ литературѣ слѣдуетъ поминуть добрымъ словомъ. Его уваженіе къ заслугамъ писателя передъ государствомъ простиралось до того, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ готовилъ докладъ на высочайшее имя о дарованіи дѣтѣмъ писателей средствъ къ образованію и положенію въ обществѣ.

— Память къ имени писателей обязываетъ же насъ къ чему нибудь или ибѣтъ? — горячо спрашивалъ онъ близкихъ къ нему друзей.

Онъ до такой степени могъ увлекаться заслугами человѣка въ искусствахъ, что неоднократно говорилъ:

— Если бы Глинка принялъ проситья ко мнѣ въ контроль, я бы принялъ его... То, что онъ прикажетъ, то я бы и дѣлалъ. Видъ эти люди родятся вѣками, и мы должны сами служить имъ, а не они у насъ.

Вотъ какъ смотрѣлъ Т. И. на крупные таланты и видѣлъ въ нихъ милость Божію къ людямъ, дѣйствительно, много ли людей возвышаются надъ низменностью своей природы красотой, удивительнымъ умѣньемъ сочетать музыкальные звуки инструментомъ или голосомъ, а вибрирующія краски на полотнѣ, и еще болѣе написать образы, среди которыхъ мы живемъ, пронести надъ ними литературный судъ и ибѣнить насъ внутреннимъ своимъ свѣтомъ разума и вѣры? Эти люди рѣдкими своими дарами служатъ человѣчеству гораздо болѣе, чѣмъ самые выдающіеся государственники. «Иліада» была благодѣтелемъ для читателя древняго міра, «Божественная комедія» для средневѣковаго, «Библия» — для реформаціоннаго періода. Для насъ Шекспиръ, Гете, Байронъ, Пушкинъ, Л. Толстой воспитали «образъ духа» и «божій листъ», съ которыми мы не можемъ разстаться, не утратить своего благодѣтеля. Это ли не заслуга литературы передъ человѣчествомъ? «Міръ», — говоритъ М. Меньшиковъ — «создатель словомъ, и этому же слову принадлежитъ устройство міра во всѣ вѣка». Т. И. Филипповъ чувствовалъ это значеніе литературы, и у меня сохранилось живое доказательство его къ ней уваженія.

IV.

Третій Ивановичъ Филипповъ былъ одно время въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Николаемъ Семеновичемъ Лѣсковымъ. Неудивительно, что послѣдній, до вліянія на него Л. Н. Толстого, многими своими мыслями о церкви и государствѣ былъ милъ и Т. И. Фи-

линиову, и И. Д. Делянову и др. Еще въ 1863 году, по порученію министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, Н. С. Лѣсковъ былъ командированъ въ городъ Ригу для изслѣдованія мѣстнаго раскола. Его записки «О раскольникахъ города Риги, преимущественно въ отношеніи къ школамъ» представляютъ собою цѣнный трудъ, хотя уже въ немъ авторъ высказываетъ гораздо болѣе терпимости къ чужой совѣсти, чѣмъ Т. И. Филипповъ въ проектируемыхъ послѣднимъ клерикальнаго характера народныхъ школахъ. Предлагая для раскольниковъ города Риги школы для первоначальнаго обученія, не смѣшанныя съ православными, какъ лучшее средство для желаемаго сліянія раскола съ православіемъ, Лѣсковъ для торжества самаго дѣла пишетъ, что не слѣдуетъ «обученіе священноі исторіи по избранному руководству возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ему учитъ тотъ же учитель. Мудрость очень не большая, и въ новую ересь никто не впадетъ отъ чтенія библейскихъ и евангельскихъ исторій. По крайней мѣрѣ, въ школахъ этого не случится, а за школой можетъ быть все, и отъ этого не упасешься». Для раскольниковъ дѣтей, поступающихъ въ среднія и высшія учебныя заведенія, онъ требуетъ такого же «независимаго положенія отъ православнаго законоучителя, въ какомъ находятся дѣти лютеранъ, католиковъ, кальвинистовъ и вообще христіанъ неправославнаго исповѣданія, обучающіеся въ русскихъ гимназіяхъ, лицейхъ и университетахъ». Самъ Лѣсковъ чрезвычайно былъ начитанъ по церковнымъ вопросамъ, и, конечно, это сближало его съ Т. И. Филипповымъ. Лѣсковъ даже напечаталъ въ 1879 году въ типографіи императорской академіи наукъ такъ называемую «Указку къ книгѣ Новаго Завета», въ которой суммированы параграфы разныхъ главъ изъ евангелистовъ на особыя темы подъ заглавіями: «Покаяніе», «Милосердіе къ ближнимъ», «Прощеніе обидѣ», «Осужденіе», «Лицемеріе», «Зерно горчичное», «Таланты» и т. д.

Въ концѣ того же 1879 года, Н. С. Лѣсковъ дѣлалъ въ учебномъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія (см. журналъ отъ 4 октября 1879 г., за № 387) докладъ: «О преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ», гдѣ, возбудивъ вопросы о томъ, начинать ли преподаваніе Закона Божія съ катехизиса, съ молитвъ или съ священноі исторіи, онъ стоитъ за допущеніе свѣтскихъ учителей къ преподаванію Закона Божія, особенно послѣ того, какъ, выслушавъ докладъ Лѣскова, особый отдѣлъ ученаго комитета пришелъ къ заключенію, что «въ приходахъ съ густымъ православнымъ населеніемъ число священниковъ больше числа училищъ; при всемъ томъ въ нѣкоторыхъ училищахъ не оказывается законоучителей-священниковъ, и необходимо употребить особые побудительныя мѣры къ тому, чтобы священники не уклонились отъ преподаванія Закона Божія... Словомъ, Н. С. Лѣсковъ въ первые годы своего зна-

кометивъ съ Филипповымъ долгое время работалъ въ одной и той же церковной сферѣ, хотя съ несомнѣнными признаками разногласія, а своими «Соборниками» и «Замечательнымъ ангеломъ» совершенно покорилъ Филиппова.

Николай Семеновичъ неоднократно показывалъ мнѣ визитныя карточки къ нему Филиппова, Делянова и другихъ лицъ, всякій разъ прибавляя:

— А теперь они мною пренебрегаютъ... Видно, и я чѣмъ нибудь былъ недоволенъ ими, если мы разошлись. Я долгое время работалъ въ ученomъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, пока Тертій Ивановичъ Филипповъ и Деляновъ, одни изъ первыхъ, не признали мою литературную дѣятельность крайне нежелательной и настояли на моемъ увольненіи съ государственной службы.

Враждебныя чувства между Лѣсковымъ и бывшими его единомышленниками продолжались долго, и я неоднократно слышалъ отъ сына Лѣскова, Андрея Николаевича, что его отецъ особенно бывалъ въ семьѣ вспыльчивъ и рѣзокъ въ тѣ дни, когда встрѣчалъ на улицѣ или въ книжномъ магазинѣ Тертія Ивановича Филиппова.

Я зналъ это нерасположеніе Лѣскова къ лицамъ, съ которыми въ прошломъ онъ дѣлилъ хлѣбъ-соль... Вотъ почему я былъ крайне удивленъ, когда за нѣсколько дней до своей смерти, Николай Семеновичъ встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры восклицаніемъ:

— Знаете, кто былъ у меня сейчасъ... передъ вами?.. Тертій Ивановичъ Филипповъ!

Пока я раздѣвался въ передней, Лѣсковъ возбужденно продолжалъ:

— На порогѣ этой комнаты онъ стоялъ и гонорилъ: вы меня примете, Николай Семеновичъ?

— Ну, и вы видѣлись?

— И мы видѣлись... Я сказалъ ему: «прошу, войдите въ комнату», и тотчасъ же самъ сталъ по срединѣ кабинета, не дѣлая шага къ нему на встрѣчу.

Лѣсковъ изобразилъ предо мною позу, въ которой онъ стоялъ у себя въ кабинетѣ и ждалъ Т. И. Филиппова, пока прислуга помогала послѣднему раздѣваться въ передней.

— Я,—продолжалъ онъ:—не зналъ, чѣмъ объяснить этотъ визитъ и какъ мнѣ себя держать, и что говорить съ государственнымъ контролеромъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и, приблизившись ко мнѣ, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, Николай Семеновичъ, мириться... Я прочиталъ вновь ваши произведенія, и меня вдругъ потянуло къ вамъ. Сегодня прощенный день, и если я чѣмъ виновенъ передъ вами, то простите меня. Если уже мириться, то мириться по-настоящему»... Онъ вдругъ опустилсѣ на колѣни вотъ здѣсь, посреди этого самаго кабинета...

— Неужели?

— Да, представьте мое положеніе?! Я, впрочемъ,—продолжалъ Лѣсковъ,—быстро сдѣлалъ то же самое... Мы обнялись, поцѣловали другъ друга и заплакали. Я уже не помню, какъ мы сѣли за письменный столъ. Но я былъ счастливъ, когда онъ говорилъ мнѣ: «Я вновь перечитывалъ васъ и когда читалъ, мнѣ вспоминалось все, что вы вытерпѣли, и я почувствовалъ потребность вновь васъ видѣть». Я благодарилъ и искалъ предмета для разговора. Противъ насъ на столѣ у меня стояли портреты: Гладстона, Л. Толстого, Дарвина, и снимки съ картинъ Н. Н. Ге. Вѣдь ему всѣ они противны! И вдругъ я почувствовалъ, что хоть опять стану на колѣни; что ногъ сейчасъ намъ не о чемъ будетъ говорить. За послѣдніе годы мы ушли въ разныя стороны такъ далеко, что не умѣемъ вернуться даже ко дню смерти. Я вспомнилъ, что онъ интересовался когда-то соборнымъ дѣломъ въ церковныхъ вопросахъ, и мы разговорились. Наконецъ добрался и до литературы.

— Слыхалъ,—произнесъ я:—вы не чуждаетесь писателей и принимаете ихъ на службу. Отвѣтъ государственнаго контролера дышалъ благородствомъ, когда онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Писателю, дорожающему своей независимостью, трудно жить литературой, когда самой литературы-то нѣтъ, и все литературное идетъ на убыль... Языкъ не повернется противъ нихъ, если кто нибудь запасется мѣстечкомъ въ сто-двѣсти рублей и не съ пустымъ желудкомъ понесетъ рукопись къ нашимъ редакторамъ. Вѣдь даже Шевченко сочинялъ стихи, а жилъ часто переноскою ногъ...».

Тутъ я воодушевился и воскликнулъ:

— Но общество-то наше какое! Оно не сознаетъ значенія для себя литературы и не дорожитъ писателямъ въ учрежденіяхъ. Есть какой-то департаментъ у Синего моста, гдѣ, говоритъ, ютятся многіе изъ насъ; но и это кому-то мѣшаетъ, и въ нѣкоторыхъ газетахъ уже прокричали, что это славянофильскій департаментъ, а не чиновничій. Экое горе для газетъ!—подумаешь. Въ департаментѣ сидятъ литераторы! Три... четыре... да и обчелся! Но и на этомъ спасибо... Все-таки вкусъ въ комъ-то тамъ есть, наверху: имѣть дѣло не съ одними приказными, а и съ писателями. А ущербъ казны произойти едва ли можетъ... Вознагради прилично писателя на службѣ, и онъ займется ею старательно, и съ толкомъ, не опасаясь, что ему придется десятки лѣтъ ждать прибавки жалованья и т. д. Сомнѣваться въ его способностяхъ не представляется нужды. А то, вѣдь, толка наши меценаты опредѣляютъ писателя на службу съ окладомъ, котораго одна хвѣтасть на овсянку, да и забудутъ, что курьеръ заработаетъ больше разномомъ пакетомъ. При этомъ условіи еще удивляются, отчего это писатели плохіе работники на службѣ! И, вѣдь, самъ служилъ и знаю этотъ взглядъ о писателяхъ на государственной службѣ. Хорошо еще, что гдѣ-то

ихъ тернятъ... Точно дѣятельность въ литературѣ ничего не стоитъ для государственныхъ интересовъ; точно какой нибудь секретарь и дѣлопроизводитель—болѣе полезный членъ государства! Я радуюсь, Тертіи Ивановичъ, что вы дорожите литературными людьми въ нашихъ бюрократическихъ берлогахъ. Пора въ такой мало культурной странѣ, какъ Россія, цѣнить писателя выше чиновника и принимать его на службу, не жалѣя денегъ и не сомнѣваясь въ томъ, что государство выиграетъ и въ частности, и въ общемъ, если литературные люди войдутъ въ его учрежденія и салоны. Не страшиться надо литераторовъ, а манить къ себѣ. При всѣхъ ихъ недостаткахъ, литературная среда все-таки умная среда и уже, конечно, честнѣйшая изъ всѣхъ остальныхъ.

Хотя въ послѣдніе годы своей жизни Николай Семеновичъ и осуждалъ пребываніе литераторовъ на государственной службѣ, говоря, что двумъ богамъ нельзя служить, что «музы ревнивы», и что «совмѣстительство» всегда вредно для мысли; но онъ на этотъ разъ видимо былъ доволенъ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ за терпимость къ литераторамъ и всячески старался похвалить его за это.

Отъ переннаго возбужденія Лѣсковъ долженъ былъ нѣсколько минутъ отдохнуть и потомъ опять продолжалъ разговоръ.

— Говорю я такъ съ нимъ о литературѣ и чувствую, что скоро уже и не о чемъ будетъ говорить... Не много намъ жить остается, а говорить не о чемъ... Грустно! Оживился я, когда вспоминалъ, что гдѣ-то другіе и этого не сдѣлаютъ: не придутъ мириться ко мнѣ. Враговъ у меня всюду много, а вотъ только одинъ понималъ меня и пришелъ утѣшить. Много ли даже въ литературѣ-то найдется лицъ, перечитывающихъ меня въ настоящее время, чтобы судить болѣе правильно обо мнѣ и прійти ко мнѣ съ миромъ? Много ли? А, гдѣ, меня мѣнякомъ по голови не били, и не хуже я этихъ другихъ въ русской литературѣ. Вѣдь черезъ пять-шесть десятковъ лѣтъ люди будутъ только читать наши книги, а не партійные счета. Желалъ бы я знать, много ли такихъ книгъ у моихъ враговъ уцѣлѣетъ для потомства... Очень желалъ бы! Вѣдь это все одна письменность!.. Нужно же правду говорить, и о себѣ я скажу, что за послѣднее время настоящую литературу дѣлали Толстой, Тургеневъ и я... Многіе писатели дали намъ широкія полотна русской жизни съ большими фигурами, но они не умѣли открывать обществу новые горизонты, новыя направленія и вести его за собою къ опредѣленному идеалу. У насъ онъ былъ. Не люблю я говорить о себѣ, а если придется къ слову, то и меня въ родины мамка на полъ головой не роняла.

Лѣсковъ успѣшилъ вернуться къ прерванной темѣ, такъ какъ дѣйствительно о себѣ лично онъ всегда говорилъ только въ связи съ общимъ интересомъ.

— Вотъ такъ мы съ Тортіемъ Ивановичемъ многого касались понемногу... Онъ даже выразилъ надежду видѣть меня у себя.

— Я нигуда не хожу — отиѣчать я... Подыматься тяжело по лѣстницѣ.

— О, я не высоко живу. Нѣсколько ступеней.

— Да, иѣтъ... Вообще вы живете для меня высоко!

Мой гость засмѣялся и не обидѣлся на мою откровенность. Я очень взволнованъ его визитомъ и радъ. По крайней мѣрѣ, кланяться будемъ на томъ свѣтѣ.

Лѣсковъ серьезно говорилъ о томъ свѣтѣ и нѣсколько разъ спрашивалъ меня:

— Вѣдь, это хорошо, что мы помирились? Вы какъ думаете?..

— Конечно, хорошо.

— То-то! Я тоже думаю, что хорошо. Пусть молодые люди учатся у стариковъ прощать обиды другъ другу и принѣтствовать въ себѣ радость и миръ.

— А только не думаете вы, — продолжалъ Лѣсковъ:— что это могло быть у него въ прощенные дни маслинницы простымъ византизмомъ?

— Будемъ лучше думать по-хорошему...

— Вѣрно! Лучше буду вѣрить, что онъ оцѣнилъ меня самого, и мои произведенія потянули его ко мнѣ... Жить намъ не много остается, и ему также захотѣлось приготовиться къ тому, какъ намъ встрѣтитесь въ иной жизни. Вѣдь сколько тамъ встрѣчь ожидаетъ насъ, и какія интересные встрѣчи!

Къ этимъ словамъ Н. С. Лѣскова слѣдуетъ добавить то, что, спустя нѣсколько дней, 21 февр. 1895 г., Лѣсковъ дѣйствительно скончался, и, разумѣется, его примиреніе съ Т. И. Филипповымъ было одною изъ послѣднихъ радостей его земной жизни.

Кто вдумается въ характеръ этой «радости», тому будетъ до-рогъ Т. И. Филипповъ, способный бывало не только покорять Островскаго и Григорьева пѣсней, но и самого Лѣскова христіанскимъ подъемомъ души... Въ бюрократическихъ сферахъ, гдѣ чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе дѣлается сухаремъ, Т. И. Филипповъ поражаетъ захватами своей, хотя бы съ отрицаніемъ началами, мысли о національной школѣ, о соборной церкви, о славиинской взаимности, о народномъ творчествѣ, и яркимъ блескомъ христіанской души въ исключительныхъ случаяхъ. Чтобы оцѣнить вѣра, чтобы перечитать его и, вспоминая его страданія за идеи, прійти къ нему, какъ бы это ни было поздно, съ признаніемъ его заслугъ,—нужно самому имѣть благородное сердце. Оно-то и выдѣляетъ Т. И., въ нашей бюрократіи, какъ бы ни были ошибочны его литературныя мнѣнія о вопросахъ міра сего, и какъ бы ни были часто онъ виновенъ передъ своими ближними...

